

Тема востока в произведении Лермонтова.

**Алимова Намуна
Нумановна**

*Кукон Давлат Университет
факультетлараротиллар кафедраси,*

Аннотация: Рассматриваются ориентальные коды в творчестве М.Ю. Лермонтова в рамках теории локальных текстов. Исследуются генезис и динамика развития восточного текста в поэтике Лермонтова, а также мотивы судьбы и Демона в библейской кораническом контексте.

Ключевые слова: Лермонтов; концепт; мифологема; восточный текст; непробудный сон; книги судеб

Lermontov ijodida Sharq mavzusi

Annotatsiya: Sharq kodlari M.Yu. Lermontov mahalliy matnlar nazariyasi doirasida. Lermontov poetikasida Sharq matnining genезisi va rivojlanish dinamikasi, shuningdek, Injil-Qur'on kontekstida taqdir va jin motivlari o'rganiladi.

Kalit so'zlar: Lermontov; tushuncha; mifologema; sharqona matn; uyqusiz uyqu; taqdir kitoblari

The theme of the East in the work of Lermontov

Abstract: Oriental codes in M.Yu. Lermontov in the framework of the theory of local texts. The genesis and dynamics of the development of the Eastern text in Lermontov's poetics, as well as the motives of fate and the Demon in the Biblical-Quran context are investigated

Keywords: Lermontov; concept; mythologies; oriental text; sleepless sleep; books of fate

В творчестве М. Ю. Лермонтова важное место занимает тема самобытной культуры Востока. Приобщение Лермонтова к культуре Востока началось с детских лет: бабушка возила внука на Кавказ, он имел возможность познакомиться с обычаями горцев. В Московском университете Лермонтов изучал дисциплины, связанные с культурой древнего Востока Недаром лермонтовский Печорин мечтает о путешествиях в Аравию и Индию, в конце жизни едет в Персию. Лермонтов изучал быт народов Востока, их обычаи по разным литературным источникам (труды Гёте, Гюго, Байрона, Пушкина, Болдырева и т. д.). Как доказал Э. Дюшен, Лермонтов читал «Les Orientales» В. Гюго. Отмечен ряд совпадений в «Прощании», поэмах «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Демон». Сравнивая творения Лермонтова с мотивами восточного

сборника Гюго, Дюшен отдаёт предпочтение русскому поэту, доказывая его преимущество в живописном изображении Востока. Так, стихотворение «Спор» охватывает тысячелетнюю эпоху разных культур. Персия с её винами, расшитыми тканями, воинской мощью, Египет с раскалёнными песками и гробницами фараонов, равнины Аравии, Сирии, подвиги бедуинов, песни, сказания, мифы арабского эпоса - всё запечатлено в монологе «угрюмого Казбека». В «Споре» описан непробудный сон восточных народов: Египет «сожжён солнцем», «пену сладких вин на узорные шальвары сонный льёт грузин», «у жемчужного фонтана дремлет Тегеран», «у ног Ерусалима Богом сожжена..., недвижима мёртвая страна»... Персия и её владения замкнулись в себе без воли к росту и борьбе, путешественникам и «народу диких стран» остаётся только мечтать о былых могуществах («Бедуин забыл наезды / для цветных шатров / и поет, считая звезды, / про дела отцов»). * Наталья Михайловна Улитина - студентка факультета искусствоведения и культурологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Знакомя внука с религиозной литературой, бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна подарила ему псалтырь. Библия была главным источником информации о древних цивилизациях. Обильный источник для творчества находит в ней и Лермонтов («Азраил», «Ангел смерти», «На гордых высотах Ливана растёт могильный кипарис»). В одной из своих тетрадей поэт описывает эпизод во время пленения евреев в Вавилоне. Лермонтова волнует судьба этого народа, еврейского гонения на протяжении всего творческого пути - от «Испанцев» и «Еврейской мелодии» до «Ветки Палестины» и «Спора», где также звучит тема Иерусалима. Лермонтов использует библейские мотивы, переосмысливает их во времени, приводит цитаты. Во многих произведениях Лермонтова можно найти ассоциации с библейскими сюжетами: образ арфы в «Еврейской мелодии» и поэме «Сашка» отсылает нас к Первой книге Царств, где «Злой дух» послан за грехи на Саула и юный Давид играет, разгоняя тоску царя; образ небесной книги судеб и Божий Суд в «Смерти Поэта»; небесное сражение ангелов с демонами в таких произведениях, как «Демон», «Бой», «Отрывок»; предметы культа («Ветка Палестины», «Боярин Орша»). Обращаясь к библейским темам, Лермонтов рисует поэтическими красками образы Египта, Палестины, Персии, Кавказа. Примечательна пальмовая ветвь, подаренная Лермонтову Муравьёвым. Именно о ней говорил поэт в стихотворении «Ветка Палестины». Ветка - символ веры, передаёт поэту частичку своей непреклонности перед опасностями, как воину, достойному «мира и отрады». Пальмовая ветвь служила людям убежищем от зноя, привлекала своей красотой: «У вод ли чистых Иордана / Востока луч тебя ласкал? / Ночной ли ветер в горах Ливана / тебя сердито колыхал?» В поэме «Азраил» сливаются мусульманская и библейская мифологии. Подобно Демону, Азраил мечтает найти спокойствие на Земле после наказания за то, что возроптал на Бога. Действие происходит в Палестине до разрушения Иудейского царства. «Еврейская мелодия» навеяна стихотворением Байрона «Солнце тех, кто не спит». Драматическая тема о судьбах еврейского народа волновала Лермонтова на всех этапах его творчества. Мы слышим сочувствие к «бедным сынам Солима», поэт поднимает вопросы о заступничестве и исторических моральных

проблемах. Галерею драматических сюжетов продолжают «Три пальмы». Они росли среди песков «аравийской земли» рядом с источником ключевой воды. Пальмы хотели служить пользе человека и за свою отчуждённость восстали против Творца. Но арабский караван, вкусив прелестей животворящего оазиса в бесплодной пустыне, разорил его, срубив пальмы для костра. Восточным сказанием поэт говорит о соприкосновении двух миров: природы и человека, красоты и жестокости, добра и зла, человека и законов бытия, скрытых от его духовного взора. В стихотворении «Бедуин» поднимается та же тема упадка. «Воздушный корабль» переносит нас в мир лермонтовских египетских размышлений, «под знойный песок пирамид». . Участвуя в военных действиях, он близко познал храбрость, свободолюбие горцев. В то же время старые религиозные обычаи, такие как, например, кровная месть, где честь и достоинство ценятся выше любви и счастья, иногда страдают невинные, - это другой мир, и он также отражён в кавказских поэмах Лермонтова. Стихотворение «Спор» продолжает тему столкновения двух миров: с одной стороны - неторопливая созерцательность Востока, с другой - стремительное наступление Запада. Это показано в таких произведениях, как «Валерик», «Беглец», «Герой нашего времени». Проблема типологии культур вобрала в себя целый комплекс идей и представлений, волновавших Лермонтова: проблемы личности и свободы, безграничной воли и власти традиций, рока и презрения, конфликт западной и восточной культур. Мифопоэтическое восприятие Кавказа располагается в рамках все того же западно-восточного синтеза, исключительно в силу того, что концепт Кавказа осмысляется и реализуется у Лермонтова как вариант Востока. Только это не Восток Байрона и Гете, этот Восток – «наш Восток», и ислам – это не ислам турецких османов, египетских мамлюков и испанских мавров – это «наш ислам», видимый литературно через призму Корана и культурологически – через призму долгого кровавого противостояния просвещенной, но развращенной цивилизации и благородных дикарей. Говоря языком структурной поэтики, в пределах которой выделение такого объекта исследования, как «восточный текст», и имеет смысл, лермонтовский западновосточный синтез развивается в парадигме системной аккультурации, которая предполагает «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры». С тех пор как термин «западно-восточный синтез» был употреблен в отношении европейских и русских авторов, его существование в науке ограничилось маркером любого ориентального присутствия в художественных текстах. Между тем западно-восточным синтезом нельзя называть любой случай сосуществования в тексте «восточных» и «невосточных» кодов – этот термин должен выражать только максимально глубокий интеркультурный синтез, примеры которого можно наблюдать в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гумилева, Бунина, так как этот синтез является и категорией поэтики, и категорией сознания. Доказательством тому может служить высказывание Лермонтова: «Я многому научился у азиатов и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания... Там на Востоке тайник богатых откровений...». В образе «седого генерала» из «Спора», ведущего несметные

войска на Восток, современники Лермонтова и исследователи его творчества увидели знаменитого покорителя Кавказа, его жестокого колонизатора, талантливого военачальника, подготовившего своими действиями Туркманчайский мирный договор с Персией, по которому Россия получала Восточную Армению, двадцатимиллионную контрибуцию серебром, исключительное право держать флот на Каспийском море и осуществлять свободную торговлю на иранской территории. В то же время исследователи отмечают, что к моменту написания «Спора» А.П. Ермолов уже четырнадцать лет был отстранен от дел и находился в опале за связь с декабристами. Причина появления образа Ермолова в «Споре» как символа покорения Кавказа объясняется тем, что в восприятии Лермонтова этот полководец обладал поразительно цельным характером, в котором соединились и безграничная жестокость к покоренным народам, и своеволие по отношению к царю, к тому же «усмирение Кавказа Ермоловым представлялось Лермонтову захватывающей драматической темой». В этом отношении фигура Ермолова расширяет тематику русско-западно-восточного противопоставления мотивами политической борьбы с «восточными» и «западными» чертами николаевского режима, а концепт Севера представляется прогрессивной идеологией «деятельной» оппозиции. Основная черта поэтики Лермонтова, свидетельствующая о философской наполненности восточного текста Лермонтова, – это мотив судьбы, включенный в комплекс рассуждений о свободе выбора, смерти и фатализме. В 1840 г. Лермонтов пишет характерное для его позднего творчества стихотворение «Валерик», опубликованное в «Утренней заре» на 1843 г., в котором описывает кровопролитный бой с чеченцами. Этот текст можно по праву считать одним из ядерных в его ориентальной концептосфере благодаря явно выраженной теме мусульманского фатализма. О том, что в этом стихотворении концепция фатализма «не имеет ничего общего с христианской идеей предопределения», можно заключить, исходя из самого текста: «...Я жизнь постиг; Судьбе как турок иль татарин За все я ровно благодарен; У бога счастья не прошу И молча зло переношу. Быть может, небеса Востока Меня с ученьем их пророка Невольно сблизили...»

ЛИТЕРАТУРА.

1. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений : в 6 т. М. ; Л., 1954–1957.
2. Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // Литературное наследство. М., 1941.
3. Михайлов А.В. Примечания // Гёте И.В. Западно-восточный диван. М., 1988.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.
5. Ашукина-Зенгер М. О воспоминаниях В.В. Бобарыкина о Лермонтове // Литературное наследство. М., 1948.
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
7. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985.
8. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977.

9. Бродский А.И. Фатализм и повествовательное искусство (о М.Ю. Лермонтове) // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 20. СПб., 2009.

10. Ал-Халладж ал-Хусайн ибн Мансур. Китаб ат-Тавасин. Сад Знания / пер. с араб. В. Нечипуренко, И. Полонской. Ростов н/Д, 2007.

11. Абрамович Г. Трагедийная тема в творчестве Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М., 1964. Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2013 г.